

СТАТЬИ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА В XII АРМИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ (1916—1917 гг.)

(ВОСПОМИНАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ)

Д. И. Гразкин

Наша партия являлась единственной политической партией, решительно осудившей первую мировую войну и вскрывшей ее империалистический характер. Мы, большевики, не только на словах были против империалистической войны, но и на деле выступали против нее — в тылу или на фронте, — в зависимости от того, куда забрасывала нас судьба.

В армии я оказался случайно. Летом 1915 г. меня во время облавы на дезертиров арестовали в Ревеле, где я тогда нелегально проживал под фамилией Мылов. По дороге к коменданту города мне удалось бежать. В Петрограде я вскоре попал под усиленную слежку и уехал в родную деревню. В деревне меня и призвали в армию. Я очутился на Северном фронте в 436-м Новоладожском полку 109-й пехотной дивизии 43-го армейского корпуса XII армии.

Прежде всего я подумал о том, что надо начать политическую пропаганду среди солдат. Меня, естественно, интересовал вопрос: есть здесь еще социал-демократы? Если есть, то как их найти? Ведь вокруг себя я видел сплошь вчерашних крестьян, в политическом отношении весьма отсталых, покорных офицерам. Эх, думалось мне, листовку бы выпустить! Но для этого требовалась организация, пусть самая немногочисленная.

Однажды в середине лета нас, вновь прибывших, вызвали в канцелярию полка для уточнения документов и выдачи личного номера. Когда мы всей гурьбой ввалились в канцелярию, один из писарей сказал:

— Ну, вы, серая скотинка, не все сразу, по одному входите!

Когда подошла моя очередь, я, обращаясь к писарю, нарочито подчеркнуто сказал:

— Серая скотинка Гразкин прибыл в ваше распоряжение.

Писарь вздрогнул, в упор уставился на меня, а затем с легкой иронией произнес:

— Извиняюсь, защитник отечества!

Я в тон ему добавил:

—...веры, царя и престола!

Старший писарь, заметив, что мы о чем-то говорим, сердито прикрикнул:

— Васильев, что ты там с ним торгуешься?

— Да вот недотепа попал, — ответил Васильев... — Фамилию свою толком назвать не может. — И как-то лукаво и в то же время доверительно подмигнул мне.

Случайный разговор с писарем не выходил у меня из головы. Я хотел во что бы то ни стало еще раз встретиться с Васильевым. Но как? Вскоре нашу роту повели в баню. Она была расположена недалеко от штаба полка. Я сказал отделенному, что мне надо забежать в канцелярию, так как там, кажется, неправильно записали мое место рождения. Он разре-

шил. К счастью, старшего писаря в канцелярии не было. Васильев, увидев меня, показал глазами на дверь. Мы отошли с ним в сторонку за какой-то сарай, и он мне с ходу задал вопрос: «Политик?» Я молчал. Тогда он добавил: «Я социал-демократ». «А здесь есть еще социал-демократы?» — спросил я. Он с недоверием посмотрел на меня: «А тебе зачем?». «Я тоже социал-демократ». Васильев подчеркнуто сказал: «Я социал-демократ — большевик». С большой радостью я подал ему руку и, крепко пожав ее, воскликнул: «Ну, что же, будем знакомы, товарищ!». И каждый из нас коротко рассказал о себе.

Через некоторое время я направился в канцелярию полка по вызову Васильева, которого встретил в небольшом лесочке около дороги. Вместе с ним был бледный, сухощавый прапорщик Сиверс, работавший до мобилизации в Петрограде конторщиком на заводе медицинских инструментов. Из разговора выяснилось, что с партией он не был связан, но с политической литературой до некоторой степени знаком. Будучи революционно настроенным, Сиверс согласился с нами, что среди солдат необходима политическая работа. Мы обменялись мнениями и решили наладить выпуск листовок. Бумагу мог достать Васильев. А вот каким образом печатать листовки? Это была игра с огнем. Но Васильев взялся за дело. Политическую информацию мы уговорились добывать из буржуазных газет и официальных военных сводок, обрабатывая ее, конечно, с большевистских позиций. Писать листовки нужно было от руки, печатными буквами, чтобы автора нельзя было узнать по почерку. Так была организована большевистская партийная группа в составе Васильева, Сиверса и Гразкина. Надо полагать, что, помимо нее, в XII армии существовали и другие группы большевиков. Уже много позднее, после революции, мне в руки попал интересный документ от 9 сентября 1916 г.¹, в котором командующий армией сообщал командующему фронтом о раскрытии двух организаций, ставивших целью распространять противоправительственную и антимилитаристскую пропаганду в войсках.

В декабре 1916 г. командование наметило наступление на Митавском направлении. Стояли сильные морозы. Когда русские части пошли в наступление, немцы их расстреливали прицельным огнем. Немало солдат погибло от пуль, еще больше замерзло, много было раненых и обмороженных.

В то время из-за вторичного приступа цинги я попал в дивизионный лазарет в Кемери. Вскоре он оказался переполненным ранеными и особенно обмороженными. Бездарность и преступность царского генералитета, не жалевшего солдатских жизней, породили среди этих людей настроенная недовольства. Пьяные оргии офицеров в соседнем госпитале еще больше усиливали такие настроения.

Я старался на наглядных примерах разъяснить солдатам гибельность политики господствующих классов и царизма. Особенно ко мне прислушались три солдата. Один был из 433-го Новгородского полка, поляк, до войны пелезовец (фамилию не помню). Второй — солдат Слинько из 434-го Череповецкого полка — жадно впитывал все, что я говорил (в октябрьские дни 1917 г. он от нас отошел). Третий был из 435-го Ямбургского полка (к сожалению, фамилию его тоже забыл). Честный, искренний парень, он живо воспринимал мою агитацию. В 1919 г. я его встретил уже председателем сельскохозяйственной коммуны близ Старой Руссы. С этими тремя солдатами я ходил в их полки, там они меня знакомили с другими солдатами, недовольными войной. Таким путем мне удалось создать очень маленькие большевистские группы: из двух человек в Новгородском полку, по три человека — в Череповецком и Ямбургском.

Начиная с лета и до конца 1916 года мы в полку выпустили три короткие листовки информационного характера. Сочиняли их троим — Ва-

¹ Все даты даются по старому стилю.

сильев, Сиверс, я, переписывал их от руки солдат команды связи Иванов. Затем Васильев размножал их на гектографе в канцелярии полка. Листовки обычно кончались призывом: «Долой царя! Долой войну! Да здравствует Учредительное собрание!».

В октябре 1916 г. я, случайно оказавшись в Риге, связался с тамошними большевиками, в частности с тов. Петерсоном. В середине января 1917 г. я снова был в Риге (меня вызвали туда через одного солдата). Там на конспиративной квартире я с помощью тов. Петерсона встретился с тов. Янбергом (впоследствии зам. председателя Рижского комитета партии). Он обрисовал положение в Петербурге, рассказал о нарастающем революционном движении пролетариата. Надо, говорил Янберг, разъяснять массам антинародную сущность политики господствующих классов и звать их революционным путем свергнуть царя, взять власть и землю, покончить с войной.

После моего возвращения из Риги мы созвали собрание партийной группы полка. Присутствовало — и это уже было много — восемь человек: Васильев, Сиверс, Гразкин, Иванов, Рогозин, Кириллов, Новожилов, фамилию восьмого забыл (в советское время встречал только троих — Сиверса, Васильева, Кириллова). Мы решили выпустить листовку. Содержание ее сводилось приблизительно к следующему: правительства навязали народам кровавую бойню в грабительских целях, она ведет Россию к гибели. Господствующие классы мечутся в поисках выхода. У народа же один выход — свергнуть царя, взять власть и землю в свои руки и кончить войну.

Несколько групп (по два — три человека) революционно настроенных солдат были к этому времени созданы теми товарищами, среди которых я вел политическую агитацию в дивизионном лазарете. Сиверсу как офицеру, мне в качестве его вестового удавалось беспрепятственно проникать в роты, встречаться и разговаривать с нужными нам людьми. Результаты активизации нашей работы не замедлили сказаться. В архивах сохранилось письмо командующего Северным фронтом генерала Рузского, который 29 января 1917 г. писал командующему XII армией Радко-Дмитриеву: «...во многих частях XII армии, к сожалению, идет довольно широкая подпольная работа по внедрению в войсках нежелательных взглядов на войну»².

События нарастали стремительно. Наша группа была уже связана с Ригой, и мы стали чаще получать оттуда сведения о революционных событиях в Петрограде в январе — феврале 1917 года. Эту информацию мы немедленно передавали в полковые группы, а те — солдатам. Многих из них охватило революционное возбуждение, и они стремились к активным действиям. Такое настроение солдат не могло укрыться от ока военного начальства. В донесении разведывательного отделения штаба армии от 19 февраля 1917 г. говорилось: «В 434 пехотном Череповецком полку солдаты открыто выражают недовольство затянувшейся войной, угрожая с оружием в руках примкнуть к восстанию. Аналогичное настроение солдат по агентурным сведениям наблюдается и в 436 пехотном Новоладожском полку»³.

Ночью 28 февраля из Питера приехал Сиверс и сообщил, что в Питере революция, город охвачен всеобщей забастовкой, войска присоединяются к рабочим, идут выборы Петербургского Совета. Он привез с собой манифест ЦК партии.

Легко представить себе наше ликование. Еле дождалась утра 1 марта. Собрали партийную группу полка, информировали ее о положении в столице и через час организовали полковой митинг — первый революционный митинг. Мы взволнованно рассказывали солдатам о революцион-

² Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2424, оп. 1, д. 432, л. 829.

³ Там же, ф. 2152, оп. 3, д. 564, л. 980.

ных событиях в Петербурге и о манифесте ЦК партии. На митинге было решено во всех ротах создать революционные комитеты и революционный комитет полка. После митинга Сиверс, Васильев и я поехали по другим полкам, созывали там совещания и проводили решения о создании ротных и полковых революционных комитетов. Вечером по телеграфу пришел приказ № 1 Петроградского Совета об образовании солдатских комитетов. Мы тотчас же созвали дивизионное партийное собрание, на котором подробно обсудили, какие меры надо нам осуществить. Собрание избрало меня председателем дивизионного комитета большевиков. Второго марта мы провели выборы солдатских комитетов во всех частях 109-й пехотной дивизии. Я стал председателем и полкового и дивизионного комитетов солдатских депутатов, но систематически работать в них не приходилось, так как я разъезжал по фронту и выступал на митингах в разных частях.

Девятого марта меньшевики и эсеры, договорившись с командованием, но скрывая это от большевиков, скоропалительно собрали в Рижском театре совещание представителей штабных и тыловых частей армии и объявили его всеармейским совещанием. На нем же был сформирован и Исполнительный комитет солдатских депутатов XII армии (Искосо́л). О совещании мы узнали случайно. Я поспешил туда и выступил с решительным протестом против жульнической узурпации оборонцев. От имени дивизии я заявил, что мы самозванного Искосо́ла не признаем и будем бороться за создание подлинно всеармейской организации, выбранной демократическим путем.

Мы, большевики, понимали, насколько важно разъяснить солдатам не только, как им организовываться, но и, главное, для чего организовываться. В этих целях на общем собрании Новоладожского полка была по нашему предложению 14 марта 1917 г. принята «Основная программа». Пункты 4—12-й этой программы были взяты из «программы-минимум РСДРП, остальные пункты были подсказаны текущим моментом. Например, пункт 13-й гласил: «Считаем Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в настоящее время защитником народных интересов, будем поддерживать его всеми имеющимися средствами»⁴. Сейчас этот пункт может вызвать недоумение. Совет был в руках социал-соглашателей, а большевистски настроенный полк принимает решение его поддерживать. На самом же деле мы этим решением поддерживали не соглашательское руководство Совета, а Советы как органы революционной власти. Мы полагали, что надо всей массой нажимать на Советы, толкать их к революционным действиям, к взятию всей полноты власти.

Реакционное командование было готово ежесекундно всадить нож в спину революции, а потому пункт 3-й программы требовал «контроля над операционной частью штабов солдатскими исполнительными комитетами». Было в нашей программе и следующее требование: «Теперь же приступить к мирным переговорам между всеми воюющими странами».

Однако не все пункты программы были четкими и большевистски выдержанными. Например, формулировка 14-го пункта: «считаем нужным и необходимым контроль Совета рабочих и солдатских депутатов над Временным правительством с целью доведения революции до конца» — отражала оппортунистическую позицию Каменева. В первоначальном варианте проекта программы этого пункта не было. Вместо этой формулировки мы, как помнится, писали, что считаем необходимым — с целью доведения революции до конца — создание правительства, выбранного Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, подчиненного и подконтрольного Советам в лице Всероссийского Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, батрацких и крестьянских депутатов. Но в момент обсуждения проекта на митинге полка из Петрограда приехал Васильев. В Питере он встречался со Шляпниковым и Каменевым.

⁴ «Окопная правда», № 1, 30 апреля 1917 года.

Последний-то и навязал ему мысль «об активной обороне» и «контроле Советов над Временным правительством», и Васильев внес эти формулировки в проект программы. Вначале мы с Сиверсом возражали, но он сказал нам, что это точка зрения Бюро ЦК; мы растерялись и уже больше не настаивали на своем.

Тем не менее благодаря ряду своих революционных требований программа получила громадную популярность. Впоследствии к ней присоединилась 21-я воинская часть. 21 марта программа была опубликована в «Правде», а 22 и 23 марта дважды в «Известиях» Петроградского Совета. Противоречивость некоторых пунктов программы ввела в заблуждение оборонцев из Искосола. Они вначале не увидели ее революционной сущности, но потом спохватились и послали своему председателю, находившемуся в то время в Петрограде, телеграмму, в которой говорилось: «...необходимо путем заявлений от редакции «Известий» лишить программу дивизии авторитетности. С дивизией много хлопот»⁵.

Действительно, 109-я пехотная дивизия, особенно Новоладожский полк, как большевистски настроенные, занимали особое положение в армии. Влияние нашей славной дивизии на другие части армии ополчило против нас армейский синедрион. В нем были довольно крупные силы: члены ЦК меньшевиков Дюбуа и Кучин, член ЦК эсеров Лихач, много интеллигенции. У нас же интеллигенции почти не было. Васильев и я были рабочими, Сиверс — конторщик; мы с Васильевым, в прошлом подпольщики, имели кое-какой опыт массовой политической работы, Сиверс же начал партийную работу на фронте в 1916 году. Шел с нами Хаустов, но он был эсером-максималистом. Нам явно не хватало пропагандистов, агитаторов и организаторов, а взять их было негде. Мы знали, какую огромную роль сыграла в организации рабочих масс «Правда» 1912—1914 гг., и не удивительно, что с первых же дней революции страстно мечтали о своей большевистской газете в армии. Но создание газеты требовало средств, и не малых. Где их взять, к кому обратиться за помощью? К солдатам, решили мы.

Нам помог корпусной митинг, организованный командованием и искомольцами в Торенсберге с целью обработки солдат в оборонческом духе. Организаторы митинга постарались заполнить зал кинотеатра представителями штабных и тыловых частей корпуса. Для нашей дивизии не оказалось места даже вблизи кинотеатра. Из ведущей группы большевиков в тот день был в армии только я: Сиверс уехал в Питер, а Васильев — в Псков в надежде добыть деньги и бумагу для газеты. В начале митинга пришлось очень туго. Солдаты штабных частей, подогреты оборонцами, держались по отношению ко мне весьма недружелюбно. Но фронтовики меня активно поддерживали. Организаторы митинга предложили оборонческую резолюцию. Я к каждому пункту вносил большевистские поправки. Если мои поправки отвергались, то фронтовики кричали: «Неправильно! Переголосовать!» Некоторые пункты, особенно пункт о войне, переголосовывались раз по пять. Внесенная мною поправка о принятии немедленных мер к заключению мира, хотя бы и через голову буржуазных правительств, взбудоражила собравшихся. Раздавались громкие возгласы: «Правильно солдат говорит! Кончать войну! Долой!». Оборонцы и командование почувствовали себя неважно; не закончив обсуждение всей резолюции, они начали покидать собрание. Резолюция была принята с явно неприемлемыми для них поправками и не была опубликована Искосолом. Офицерские «Известия» напечатали... не резолюцию, а ее проект. Этот подлог еще сильнее толкал нас, большевиков, к созданию газеты. О ее необходимости я горячо говорил солдатам, окружившим меня после митинга. Фронтовики возмущенно говорили: «Что же это такое, товарищи! Золотопогонники опять верх берут, а солдаты, как бараны, сами на себя

⁵ ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 4, л. 150.

петлю надевают!» Послышались голоса: «Надо разъяснять солдатам правду. Митинги чаще устраивать». Кто-то крикнул: «Всю армию за один день не объедешь. Вот если бы наша солдатская газета была, тогда бы все это можно было напечатать». Тут, перебивая друг друга, многие заговорили о газете, и в этом удивительно ярко сказалось, как революция и завоеванные ею демократические свободы пробуждали сознание солдатской массы. Вчерашняя «серая скотинка» сегодня хотела газеты, которая просвещала бы солдатские массы, говорила правду, указывала правильный путь борьбы.

Это импровизированное собрание и постановило пойти по ротам собирать деньги на газету. Солдаты сами стали искать деньги для издания газеты. Выяснилось, что в полковых суммах имеются неизрасходованные так называемые порционные деньги, полагающиеся выбывшим из частей солдатам. Таких денег собралось что-то около семи тысяч рублей. Полковой комитет решил потребовать раздать эти деньги солдатам на руки, солдат же — просить отдать их на газету. Пришлось преодолеть немало трудностей и препятствий, прежде чем мы смогли добыть деньги и организовать издание газеты. Назвали мы ее «Окопная правда». Первый номер газеты вышел 30 апреля 1917 г. как орган Исполкома Новоладожского полка.

Это, быть может, первый случай в мировой печати, когда сама масса являлась организатором и издателем газеты. Больше того, сами солдаты ее набирали, печатали, редактировали, распространяли, и большинство статей и вообще материалов в «Окопной правде» было написано самими солдатами. «Правда» писала по этому поводу: «На фронте начала выходить «Окопная правда», орган инициативной группы солдат-демократов. Новая газета издается и обслуживается товарищами солдатами, и особенно приятно отметить, что по всем вопросам текущего момента (война, братание, коалиционное министерство) «Окопная правда» заняла ту позицию, на которой стоит «Правда»⁶.

Для руководства газетой полковой комитет выделил редакционную коллегию в составе эсера-максималиста Хаустова, большевиков — Сиверса, Васильева и меня. Следует подчеркнуть, что Хаустов активно помогал нам наладить выпуск газеты. Но когда она стала выходить, он внес много путаницы в ее работу. По его вине первые два номера вышли с двумя лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «В борьбе обрешь ты право свое»⁷.

С 1916 г. царское правительство стало брать в армию также «политически неблагонадежных» и политических ссыльных. С выходом «Окопной правды» такие товарищи стали заходить в редакцию. Беспартийные солдаты тоже потянулись к большевикам. Это позволило нам в начале мая образовать инициативную группу социал-демократов. В бюро группы вошли Васильев, Сиверс, я и другие.

Организационно большевики XII армии должны были входить в русскую секцию Рижской социал-демократической организации. На первых порах секция находилась в руках меньшевиков, с чем мы не хотели и не могли примириться. 4 мая 1917 г. мы, основательно подготовившись, пошли на собрание секции. К этому времени Рижский комитет социал-демократов стал твердо на большевистские позиции. Он поставил на собрании секции доклад об Апрельской большевистской конференции. Большинство собравшихся голосовало за резолюцию, составленную в духе Апрельской конференции РСДРП(б). Тогда меньшевики вышли из секции, что очень способствовало активизации нашей работы в армии. С 17 мая «Окопная правда» (в тот день вышел седьмой номер газеты) стала орга-

⁶ «Правда», № 59, 17 мая 1917 года.

⁷ Об этом я подробно писал в брошюре «Окопная правда» (см. стр. 7—12).

ном военной организации при русской секции Рижского комитета Социал-демократии Латышского края.

Неотложная задача, ставшая перед нами в тот момент, заключалась в необходимости создать партийные организации во всех воинских частях. С этой целью мы рассылали наших товарищей по всему Северному фронту, а в «Окопной правде» напечатали материал о том, как строить партийные организации.

При создании большевистских партийных организаций в полках не обходилось без курьезов. Однажды я поехал в 80-й Сибирский полк. Захожу в землянку полкового комитета. Там шло какое-то собрание. Спрашиваю:

— Здесь есть кто-нибудь из большевиков?

Один солдат громко ответил:

— Да здесь все большевики!

А в землянке было человек до тридцати. Президиум подтвердил, что действительно все большевики. Тогда я разъяснил, что сочувствовать большевикам — еще не значит быть членом большевистской партии. Состоять в партии может только тот, кто признает ее программу и исполняет ее устав. Мне ответили: «Давайте вашу программу и устав. Мы все запишемся». Договорились, что собравшиеся сейчас же выберут инициативную группу, которая и начнет запись в партию по ротам, а потом соберет записавшихся и выберет партийный полковой комитет. Но и после этого нашлись такие товарищи, которые мне возразили: «Да ведь мы полковой комитет и есть». Пришлось опять разъяснить, что полковой комитет солдатских депутатов — это одно, а партийный полковой комитет — это другое.

Этот пример показывает, какими наивными были представления многих большевистски настроенных солдат о партийной организации. В лице «Окопной правды» мы получили исключительной силы средство политического просвещения и организации солдат фронта. Мы действовали более уверенно и целеустремленно, потому что уже руководствовались Апрельскими тезисами В. И. Ленина и решениями Апрельской конференции нашей партии.

Одной из важнейших сторон нашей деятельности являлось разоблачение буржуазного Временного правительства и его пособников — социал-оборонцев. Еще 22 апреля на митинге Новоладожского полка в Торнсберге после нашего выступления была принята резолюция, осуждавшая как Временное правительство, так и социал-оборонцев⁸.

Эта резолюция вызвала ярость меньшевиков и эсеров. В «Известиях» Петроградского Совета (№ 51) была напечатана статья, мечущая против нас громы и молнии.

Буржуазия и командование стремились всеми способами забрать армию в свои руки и повести ее за собой, прикрываясь такими высокими словами, как «долг перед Родиной», «разумная целесообразность», «присяга» и т. п. Они усиленно навязывали солдатам мысль, что приказы командования не подлежат ни толкованию, ни обсуждению, что армия «должна быть в политике великой молчаливицей» (выражение, принадлежавшее командующему 44-й дивизией).

Большевики самым активным образом боролись против подобных реакционных поползновений. Мы проводили в частях митинги, собрания, на которых подчеркивали примечание, сделанное новоладожцами при приеме присяги: «В случае нарушения правительством народных интересов, полк имеет право не исполнять присяги». Что касается лозунгов «долга перед Родиной» и «разумная целесообразность», мы говорили: богачи понимают под этим частное обогащение и власть над народом. Мы же, солдаты, под долгом перед Родиной и разумной целесообразностью пони-

⁸ См. «Окопная правда», № 2, 3 мая 1917 года.

маем, что власть должна быть у рабочих, солдат и крестьян. В таком духе были напечатаны две статьи в «Окопной правде».

К концу мая силы нашей военной партийной организации значительно выросли. Мы уже имели в полках и дивизиях сравнительно крепкие большевистские группы. В целом по XII армии насчитывалось свыше тысячи членов партии⁹. Бюро военной организации могло вести работу в частях через руководителей полковых и дивизионных организаций.

Стремясь повернуть события вспять, реакционное командование пыталось использовать доверчивость солдат для захвата солдатских организаций в руки офицеров и оборонцев. Созданные на фронте офицерские организации занимались активным сколачиванием реакционных сил в армии и вели борьбу с большевиками, не стесняясь в выборе средств. Так, 24 мая в «Известиях» офицерского комитета армии (Искомоф) сообщалось, что «Окопная правда» — шпионская газета, что Хаустов якобы получил от немцев во время братания 10 тыс. рублей. Когда солдаты узнали об этой клевете, они с возмущением говорили: «Мы отдали деньги на газету за недополученный хлеб и сахар, а они врут нагло, что деньги получены от немцев».

27 мая на митинге Симбирского полка была принята следующая резолюция: «Прочитав и разобрав статью в «Известиях совета офицерских депутатов» с явно погромным характером против газеты «Окопная правда»... считаем нужным заявить, что мы всегда встанем в защиту нашей газеты «Окопная правда» против всех насилий, откуда бы они ни исходили» (за резолюцию голосовало 700 человек, против 1)¹⁰. Клевета на «Окопную правду» лишь обострила отношения между солдатами и офицерами. Под нажимом массовых выступлений солдат, грозивших вылиться в открытую расправу над офицерами, командование и оборонцы изменили тактику. Так, командир 541-го полка, признавая, что в настроении солдатской массы слишком глубоко укоренились принципы большевизма, уведомлял начальника 136-й дивизии о том, что «в полку на днях начнет действовать соединенный (офицерский и солдатский) полковой комитет; эта организация внесет доверие солдат к офицерам и тогда явится возможность влиять офицерам на солдат»¹¹.

Сначала командованию и оборонцам удалось от этого слияния кое-что выиграть. Однако во многих частях мы сумели привлечь на сторону солдат прогрессивную часть офицерства. Как сообщал начальник 18-й Симбирской дивизии командиру корпуса, «в 70-м полку полковой комитет отказался от своих полномочий, избран новый — направление в духе ленинских идей»¹². После этого мы перешли к атаке на Искосол и на все оборонческие комитеты, дав большевистской группе указание добиваться всеми силами переизбрания солдатских комитетов и удаления из них реакционного офицерства и оборонцев. «Окопная правда» призвала: «Товарищи! Вся сила теперь на нашей стороне, отнеситесь сознательно к выборам в солдатские комитеты, выбирайте туда только настоящих защитников народных интересов, которых не могла бы обмануть буржуазия, оставьте у себя право постоянного переизбрания членов солдатского комитета, — этим вы создадите народную армию»¹³.

В результате настойчивой агитации мы добились резкого поворота солдатских масс в нашу сторону. 28 мая командующий армией доносил командующему Северным фронтом: «Влияние солдатских комитетов (оборонческих. — Д. Г.) в смысле оздоровления и вообще авторитета их в

⁹ К сожалению, списки армейских большевиков не сохранились. В июльские дни мы сами уничтожили списки личного состава. Последующие списки погибли во время предательской сдачи Риги. Списки венленского и валкского периода погибли, очевидно, во время ярославского мятежа.

¹⁰ «Окопная правда», № 13, 31 мая 1917 года.

¹¹ ЦГВИА, ф. 2286, оп. 1, д. 285, л. 66.

¹² Там же, д. 286, л. 28.

¹³ «Окопная правда», № 1, 30 апреля 1917 года.

пехотных частях слабеет, и были случаи переизбрания комитетов, причем в новые попали ленинцы»¹⁴.

Выступая против реакционного командования, мы вели борьбу и против социал-шовинистов. Их газеты «Дело трудового народа», «Красное знамя», «Рижский фронт» сначала робко заявляли, что «активная оборона есть активное наступление», а вскоре прямо предлагали армии наступать. Бюро военной организации, «Окопная правда» разъясняли солдатам, что новый состав Временного правительства продолжает ту же захватническую политику, что и прежнее правительство. В резолюциях собраний полков, рот, команд говорилось, что солдаты не пойдут в наступление. Тогда в социал-шовинистических газетах появился ряд статей с угрозами по нашему адресу. Но «Окопная правда» предупредила: «Социал-патриоты угрожают нам решительными революционными общественными мерами. О каких общественных мерах думают бывшие социалисты? Осторожней, господа, не переоцениваете ли вы ваши фактические силы?»¹⁵.

На выручку армейским соглашателям, «чтобы вдохнуть в широкую массу революционную энергию и крепкий революционный дух», как писало меньшевистское «Красное знамя», пожаловал сам Керенский. Однако многие полки отказались идти встречать его. В некоторых частях военного министра встретили гробовым молчанием или, наоборот, резкими протестами. В одном из сибирских полков какой-то солдат обратился к Керенскому со словами: «Правительство должно скорее заключить мир». Он пытался пояснить свою мысль, но Керенский прервал его, сказав командиру полка: «Господин полковник, завтра отдайте в приказе, что этот солдат изымается из рядов русской армии. Он может идти домой, но все узнают, что он трус»¹⁶. Сделав этот театральный жест, военный министр укатил в Питер. Приезд Керенского мало что изменил в настроении солдатской массы. Тогда социал-соглашатели и реакционное командование перешли к репрессиям и провокациям. Пытаясь ликвидировать очаг большевизма в XII армии, они, не выдавая обмундирования, недоукомплектовывая полки, не пополняя их вооружением и боеприпасами, издали приказ о переводе 109-й дивизии на передовую линию. Расчет их был таков: солдаты в этом случае могут отказаться пойти на передовую линию, а это даст возможность обвинить дивизию в измене, в анархизме, заявить, что большевики разложили дивизию, и под этим предлогом расформировать ее, а большевиков изъять.

Эта провокация наделала нам немало хлопот. Солдаты были сильно возбуждены и не хотели идти на позицию. Чтобы уберечь безоружную дивизию и большевистскую организацию от разгрома, мы, пользуясь своим авторитетом, уговорили солдат пойти на передовую. Одновременно мы добились от командования обеспечения дивизии необходимым обмундированием, вооружением и подкреплениями.

Командование и искосольцы заполнили Ригу частями, находившимися под влиянием социал-соглашателей. В городе нельзя было показаться в форме солдат Новоладожского и других революционных полков. «Окопную правду» вырывали у газетчиков и рвали на глазах у солдат. Но ничто не могло остановить большевизации воинских частей. Так, командир 37-го армейского корпуса докладывал командованию: «Дивизия, отведенная в резерв в район Риги, подверглась усиленной обработке большевиков из Новоладожского полка и «Окопной правды». С прибытием дивизии на побережье Рижского залива физиономия определилась ясно. Комитеты почти сплошь большевистские»¹⁷.

Потерпев неудачу, Искосол и командование решили обезглавить ди-

¹⁴ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 27, л. 21.

¹⁵ «Окопная правда», № 6, 14 мая 1917 года.

¹⁶ «Солдатская правда», № 33, 28 мая 1917 года.

¹⁷ «Красный архив». Т. 58, 1933, стр. 97.

визию. Они арестовали Хаустова, считая его главой организации и редактором «Окопной правды». Арест Хаустова вызвал возмущение не только в армии, но и в Петрограде. Во время демонстрации 18 июня наряду с другими большевистскими лозунгами были и лозунги протеста против ареста Хаустова. Работавшая во второй половине июня Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) также приняла специальную резолюцию протеста против ареста Хаустова.

По примеру петербургских социал-соглашателей искосольцы решили организовать в Риге армейскую демонстрацию под лозунгами доверия к Временному правительству и одобрения политики наступления. Однако бюро военной организации большевиков также стало деятельно готовиться к этой демонстрации. Узнав о нашей подготовке и понимая, что большинство солдат пойдет под нашими лозунгами, искосольцы решили отказаться от проведения демонстрации. Представители Искосола разъехались по армейским частям, чтобы отговорить солдат от участия в демонстрации. Но демонстрация состоялась, и прошла она под большевистскими лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!». Те воинские части, которые стояли на передовых и не могли участвовать в демонстрации, устраивали собрания. Их резолюции с поддержкой большевистских требований потом печатались в «Окопной правде». Демонстрация и резолюции большинства воинских частей ясно показали, что солдатские массы в основном идут за большевиками.

После Петроградской конференции военных организаций большевиков (примерно 20 июня) мы создали в Риге свою конференцию. Присутствовало около 400 делегатов. В это время Керенский издал приказ о наступлении на фронте. Поэтому мы приняли ряд мер на случай попытки реакционеров разгромить армейских большевиков.

Создали два комитета военной организации: легальный, председателем которого был избран я, и подпольный, председателем которого был избран Римша. Известные в армии большевики перейти на нелегальное положение не могли. По этим же мотивам мне поручили ставить подпись ответственного редактора под газетой «Окопная правда». До этого я, будучи ответственным редактором, подписи под газетой не ставил. Такую же перестройку мы провели и в крупных военных организациях отдельных частей армии.

Хотя в редакции «Окопной правды» все осталось по-прежнему, мы предприняли (на случай невозможности легальной работы) организацию подпольной типографии. Мы старались внушить членам партии и солдатам мысль, что революция неизбежно должна победить. Тот факт, что наиболее известные армии большевики оставались на руководящих постах, укреплял уверенность всей организации в нашей победе.

В июльские дни положение в армии создалось весьма тревожное. Ежедневно ждали какой-нибудь провокации. В целях укрепления своих сил большевики в противовес оборонческому Искосолу приступили к организационному усилению левого блока, который накануне Октября объединял свыше 30 революционно настроенных полков. На совещании полковых комитетов был выработан ряд мероприятий на случай, если бы реакция решилась на ликвидацию военной организации большевиков или расформирование большевистских полков (мы имели достоверные сведения о подобных намерениях командования). Между полками устанавливалась живая связь для организации быстрого отпора провокационным попыткам командования и Искосола. Было опубликовано следующее заявление: «От имени семнадцати полков... предлагаем Исполнительному комитету (ХП.— Д. Г.) армии не предпринимать никаких резких шагов, несмотря на телеграмму Керенского против интернационалистских и большевистских течений в армии, что может вызвать эксцессы, которые особенно опасны ввиду близости неприятеля. Все последствия от насилий над

отдельными личностями и частями, могущие вызвать кровавые столкновения, падают на вашу ответственность... Председатель Гразкин. Секретарь Трейман»¹⁸.

Несмотря на это предупреждение, командование и Искосол попытались расформировать один из сибирских полков. Однако части, посланные на расформирование, были окружены частями левого блока и возвращены к месту своего расположения. После этого командующий XII армией Радько-Дмитриев докладывал командующему фронтом: «Все мои усилия поддержать авторитет власти, к сожалению, разбились об упорство масс... Ни убеждения, ни самое широкое содействие общественным организациями (Искосолу.— Д. Г.) не могли наладить сколько-нибудь правильные отношения между начальниками и подчиненными. Исчерпав все усилия... я чувствую себя не в силах справиться с возложенной на меня ответственной задачей»¹⁹. Командующий фронтом Клембовский, в свою очередь, сообщал Верховному главнокомандующему Брусилону: «Считаю себя обязанным доложить вам, что положение в XII армии внушает мне серьезные опасения... У командующего армией нет достаточно надежных частей, на которые он мог бы опереться для вооруженного воздействия на непокорных»²⁰.

Социал-соглашатели из Искосола своей поддержкой политики буржуазии и реакционного командования дискредитировали себя в глазах солдат. Представителям Искосола и комиссару Временного правительства по армии не давали говорить на митингах и прогоняли со свистом.

Из всей XII армии надежными, с точки зрения командования, частями считались 17-я кавалерийская дивизия, 5-й броневой дивизион, 23-й Донской казачий полк и небольшие отряды: женская рота национальной обороны, Пластунская рота смерти, Революционный ударный батальон и Омский ударный батальон. При таком положении контрреволюция и ее пособники не решались на открытую схватку с революционными силами. Они избрали путь «секретных арестов», вроде ареста Сиверса, которого выманили в Псков якобы для получения награды. При помощи махинаций им удалось изъять из армии Глезера, Сабецкого, Жука, Ивана Виша, поручика Пономарева и других. Были и открытые аресты. Керенский требовал решительной расправы с большевиками. 12 июля было издано постановление Временного правительства, в котором говорилось о строгих наказаниях за призывы к неповиновению распоряжениям военных властей, неисполнение воинского долга... Керенский в своем приказе по армии от 15 июля 1917 г. на основе этого постановления Временного правительства приказал закрыть «Правду», «Окопную правду» и «Солдатскую правду» с одновременным привлечением редакторов к судебной ответственности²¹.

Как только в армии узнали об этом постановлении, в редакцию стали поступать массовые протесты солдат. Так, солдаты Сестрорецкого полка писали: «Глубоко возмущены приказом о запрещении распространения наших газет «Правды», «Окопной правды», «Солдатской правды». Солдаты протестуют против политики Временного правительства и телеграммы военного министра Керенского от 7 июля с. г., посягающего на свободу слова и печати»²².

Однако поздно вечером 21 июля квартал, где помещались редакция и типография «Окопной правды», был оцеплен войсками и казачьими патрулями. Сильный отряд казаков занял редакцию и подверг ее разгрому. Но репрессии не могли запугать большевиков-ленинцев. 23 июля мы вместо закрытой «Окопной правды» стали издавать «Окопный набат».

¹⁸ «Окопная правда», № 29, 12 июня 1917 года.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 2152, оп. 3, д. 564, л. 992.

²⁰ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1237, л. 2526.

²¹ Там же, ф. 94, оп. 1, д. 12, л. 272.

²² «Окопная правда», № 31, 16 июля 1917 года.

Выход этой газеты вызвал переполох среди командования и его пособников. Командующий Северным фронтом Клембовский запрашивал комиссара фронта Станкевича, находившегося в то время в XII армии: «Судя по «Вечернему времени» от 24 июля, издание «Окопной правды» продолжается. Настоятельно прошу выяснить, верно ли это, и, в утвердительном случае, принять решительные меры для прекращения ее»²³.

Ставка Верховного главнокомандующего писала начальнику штаба Северного фронта: «Главковерх приказал доложить, возбуждается ли вопрос о закрытии «Окопного набата», если он является повторением «Окопной правды»²⁴. Военный министр 7 августа телеграммой приказал прекратить издание на фронте всех газет большевистского направления, а «неповинующихся привести к порядку всеми мерами»²⁵.

Телеграмма вызвала настолько сильное возбуждение солдат, что назревали самочинные выступления. С большими усилиями удалось сдержать солдат от необдуманного шага. Искосол и командование все же не решились тут же закрыть «Окопный набат». Но, понимая свое бессилие, контрреволюция пошла на злодейский замысел: сдать Ригу, поставить под разгром всю XII армию и тем самым открыть немцам свободный путь на Петроград. Задумав это, командование, несмотря на наши протесты, сознательно ослабило укрепления на левом берегу Западной Двины, а на правом поставило небоеспособную 186-ю дивизию. Надо полагать, что немцы обо всем этом знали, потому что они 19 августа перешли в наступление именно в этом месте и за какой-либо час снесли все примитивные укрепления дивизии. Большевистское руководящее ядро дивизии почти все погибло. Немцы переправились через Двину и начали отрезать Ригу и армию. На выручку подошли латышские полки. С развернутыми знаменами они пошли в контратаку. Немцы были вынуждены замедлить наступление.

Цель командования и социал-предателей — поставить армию под удар, а затем обвинить большевиков в ее дезорганизации — чувствовалась во всем. 20 августа в 6-м Сибирском корпусе за активную поддержку большевиков было арестовано 72 солдата; 109-я пехотная дивизия и другие части были рассредоточены и не представляли целых боевых единиц. Несмотря на эту дезорганизацию, именно большевистски настроенные части сдержали натиск немцев и спасли армию. Даже председатель Искосола меньшевик Кучин телеграфировал ЦИК: «По свидетельству членов комитетов и офицеров стойкость такая, какой не было никогда»²⁶.

После сдачи Риги военная организация большевиков обосновалась в г. Вендене. Мы сразу же принялись за восстановление связи между партийными организациями. Уже 17 сентября мы смогли созвать армейскую конференцию большевиков, на которой обсуждались общеполитические и организационные вопросы, в том числе о возобновлении «Окопного набата».

По указанию ЦК РСДРП(б) и лично Я. М. Свердлова один из членов ЦК С.-д. Латвии передал нам 3 800 рублей. У нас также сохранилось 120 пудов бумаги, пожертвованной ранее рабочими писчебумажной фабрики Ревеля «Окопной правде». Кроме того, по указанию ЦК мы получили имущество газеты «Отклики правды» (орган Венденского комитета партии). 1 000 рублей нам передал ЦК партии. Несколько сот рублей собрали петроградские рабочие. «Окопный набат» с 12 октября стал снова звать солдат к революции. Для помощи и укрепления редакции ЦК партии в первых числах октября направил к нам тов. Нахимсона. С этого времени газета редактировалась Нахимсоном, Васильевым и мной.

После разгрома корниловщины массы твердо встали на сторону

²³ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 113, л. 156.

²⁴ Там же, л. 158.

²⁵ Там же, ф. 2279, оп. 1, д. 469, л. 508.

²⁶ «Солдатское слово», № 134, 24 августа 1917 года.

большевиков. Партия взяла решительный курс на пролетарскую революцию. Перед большевиками XII армии, охранявшей подступы к сердцу революции — Петрограду, стояли сложные задачи: сделать эти подступы неприступными как для немцев, так и для внутренней контрреволюции и одновременно готовить солдатские массы к пролетарской революции. На I конференции большевистских военных организаций Северного фронта, состоявшейся 15 октября, а затем на многочисленных митингах и собраниях эти задачи детально обсуждались. В этом же духе вел работу и «Окопный набат».

Получив сведения о замысле контрреволюции сменить Петроградский гарнизон, мы повели активную пропаганду в войсках против этого замысла. «Окопный набат» писал: «Генерал Черемисов (новый командующий фронтом.— Д. Г.) созывает к себе в Псков представителей полковых комитетов Петроградского гарнизона, чтобы убедить их в необходимости вывода войск из Петрограда для обеспечения подступов к Петрограду... Не проведет генерал Черемисов! Петроград будет защищен не только от немцев, а и от корниловщины, калединовщины или даже черемисовщины — все равно»²⁷.

Как свидетельствуют документы, наши усилия не были бесплодными. Так, командир 2-го Сибирского корпуса докладывал 17 октября военному министру: «Необходимо иметь мужество смотреть опасности в глаза и называть вещи своими именами: пригодность армии к продолжению войны находится в смертельной опасности». Комиссар корпуса сделал приписку: «Всецело присоединяюсь к этому последнему воплю отчаяния»²⁸. По сводке штаба фронта, в XII армии значилось безусловно «надежных» частей — 4, вызывающих сомнение — 44 и безусловно «ненадежных» — 18²⁹. За большевистский список № 5 на выборах в Учредительное собрание по XII армии голосовало 53,5%.

Ведя подготовку к свержению Временного правительства, мы организовали революционный комитет армии, в который входили: ЦК Социал-демократии Латвии, Исполнительный комитет латышских стрелковых полков («Исколастрел»), левый блок и военная организация РСДРП большевиков XII армии. Хотя мы и ждали решительных действий с минуты на минуту, но точно о начале восстания в Петрограде все же не узнали, так как командование установило контроль на всех почтово-телеграфных конторах, стараясь скрыть от солдат события в Петрограде. Только вечером 25 октября солдат-телеграфист, сняв копию с телеграммы Временного правительства о взятии большевиками власти, принес ее в редакцию «Латышского стрелка». 26 октября «Окопный набат» вышел с экстренным добавлением, в котором было опубликовано за подписью бюро военных организаций РСДРП(б) XII армии обращение к солдатам.

Искосольцы и командование, чтобы дезориентировать солдат, разослали телеграммы по всем воинским частям и солдатским комитетам, в которых Октябрьская революция изображалась как попытка захвата власти «кучкой» большевиков без поддержки солдат и рабочих. Искосольцы приняли самое активное участие в попытке послать войска на помощь Керенскому³⁰.

26 октября командующий XII армией Юзефович получил от Духонина приказ — выделить отряд для совместных действий с 3-м конным корпусом Краснова. В тот же день была получена телеграмма от главнокомандующего об отправке в Петроград 5-го броневое дивизиона. 27 октября было дано распоряжение доставить экстренным поездом в Псков «надежные» пехотные части из XII армии³¹.

²⁷ «Окопный набат», № 9, 21 октября 1917 года.

²⁸ ЦГВИА, ф. 2279, оп. 1, д. 607, л. 42.

²⁹ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 37, лл. 668—671.

³⁰ См. «Красный архив». Т. 4, стр. 152—153.

³¹ Там же, стр. 163, 166, 177.

Мы призвали солдат быть едиными и решительными в борьбе с заклятыми врагами народа. Ни одна часть XII армии не была отправлена против революционного Петрограда. Более того, чтобы успокоить армию, командующий вынужден был издать специальный приказ: «Заявляю, что из вверенной мне армии ни одной части ни в Петроград, ни в Петроградский район отправлено не было»³².

Желая выяснить обстановку в Петрограде и наладить более тесный контакт с ЦК партии, мы послали в Петроград делегацию, которой поручили сообщить ревкому, «что армия идет с Петроградским Советом»³³. И действительно, для активной борьбы за Советскую власть, против контрреволюции Духонина и других XII армия выделила 12 пехотных полков, 7 или 8 артиллерийских дивизионов. Кроме того, для укрепления положения в Петрограде была отправлена латышская часть. Во время вторичного наступления немцев на Петроград в конце ноября части XII армии совместно с петроградскими рабочими преградили немцам путь и задержали их на дальних подступах к городу.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде события развивались так, что Искосол перестал уже играть какую-либо роль. Фактическое руководство армией перешло в руки Военно-революционного комитета. Части армии находились в мобилизационной готовности на случай, если бы социал-предателям удалось снять с фронта какую-либо часть и открыть путь немцам.

27 октября мы вошли в Венден, где находился Военно-революционный комитет, 29 — в Вольмар и Стакельн, а 5 ноября — в Валк, где разместились ставка армии и Искосол. Такая очередность операций вызывалась крайней осторожностью, чтобы не развязать гражданской войны на самом фронте, защищавшем подступ к Петрограду.

Искосольцы, узнав о наших передвижениях, выпустили воззвание, в котором призывали армию соблюдать нейтралитет в происходящих в стране и Петрограде событиях. Они требовали, чтобы революционная власть в пределах армии принадлежала только Исполнительному комитету, «а власть в стране до созыва Учредительного собрания была бы передана однородному социалистическому министерству»³⁴.

После формирования корпусного комитета и договоренности с командиром корпуса о том, что комендантскую службу при корпусе будут вести нововладожцы, я поехал в Валк, уже занятый латышским Тукумским полком. Этот полк и наш батальон заняли ставку и помещения Искосола. Правда, искосоловцы попытались еще раз дезориентировать солдат. Они разослали телеграммы о том, что «Военно-революционный комитет в Пскове распадается... Большевистские полки сдаются... Петроградский Военно-революционный комитет в панике»³⁵. Но эта телеграмма уже была гласом вопиющего в пустыне.

С занятием Валка руководство XII армией перешло в руки большевиков. Комиссаром армии назначили Нахимсона, который на чрезвычайном съезде армии был избран председателем Искосола. Я же сразу после занятия Валка поехал в Юрьев помочь Римше задержать части, каким-то образом проскочившие к Юрьеву. Нам это удалось сделать. Затем я поехал в Псков. Там уже образовался ревком. Обменявшись взаимной информацией с товарищами из ревкома, я возвратился в Валк и затем срочно выехал в Петроград на чрезвычайный крестьянский съезд, который должен был открыться 10 ноября. После съезда я уже в армию не возвращался, а остался работать председателем фракции большевиков и вторым секретарем Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов.

³² ЦГВИА, ф. 2289, оп. 1, д. 550, л. 341.

³³ «Бюллетень ЦК РСДРП(б)», № 4, 1 ноября 1917 года.

³⁴ ЦГВИА, ф. 2486, оп. 1, д. 8, л. 1213.

³⁵ Там же, ф. 2152, оп. 2, д. 1271, л. 694.